

К тому моменту, когда Визуйя вернулась, я допил остатки вкуснейшего настоя и почувствовал себя ещё лучше. Крайне положительно подействовало на меня это питьё.

— Идём, — позвала она к себе, больше не сказав ни слова.

Когда мы подошли ко входу в её комнату, наследница строго спросила у стоящей рядом служанки:

— Всё накрыто как положено?

— Да, риса Визуйя, — кротко ответила девушка и почтительно поклонилась.

— Пойдём, Кирилл.

В комнате царила особая атмосфера: приглушённый свет, синие мерцающие огоньки на кровати, на подоконниках, на мебели, и сладкий, ни с чем не сравнимый запах. В центре, на маленьком столе, стояла бутылка без этикеток, наполненная чёрной-чёрной жидкостью, и два очень высоких тонких бокала, вытянутых вверх по форме сосульки. Там же нашла место глубокая тарелка, в которой лежали чёрные шарики. Цвет этих угощений меня насторожил. Не знаю как, но Визуйя, кажется, заметила это и произнесла:

— Проходи и садись. Не бойся. Я понимаю, что для тебя это что-то новенькое и необычное. Поверь, для любого нашего гражданина это тоже большая редкость, а у тебя есть возможность насладиться лучшим напитком и лучшей закуской на всей планете.

— Да, вы правы. У меня действительно возникли не самые приятные ассоциации, — признался я и осторожно прошёл, сев на стул.

Наследница же подошла к тому музыкальному инструменту, который я заметил в прошлый раз. Откинув крышку, она расположилась на стуле поудобнее и обратилась ко мне:

— Хочешь послушать, как я играю?

— Хочу, будет очень интересно.

— Замечательно. А ты пока налей нам до половины.

— Хорошо.

— Слушай.

Звук инструмента лишь отдалённо напомнил мне пианино. Да, он тоже клавишный, но звучал совершенно иначе. Однако нельзя сказать, что плохо. Напротив, как только Визуйя начала играть медленную минорную композицию, я даже забыл, что надо разлить напиток по бокалам. Я настолько проникся, что невольно загрустил, вспомнив свою первую любовь, а ведь это было так давно. Меня словно загипнотизировала мелодия: сидел как каменный, уставившись в одну точку и погрузившись в себя полностью. Столько воспоминаний, столько прекрасного и грустного возникло в душе. Я даже захотел вновь вернуться в прошлое, чтобы пережить всё это заново.

Композиция закончилось тихо, тем не менее я так и не смог мгновенно отойти от необычного состояния. Насколько же это потрясающе звучало!

— Ты ещё не налил? — удивилась Визуйя, подойдя к столу и сев напротив.

— Вы играли восхитительно. Это словами не передать. Я проникся музыкой и задумался, забыв обо всём на свете, — описал я свои искренние впечатления.

— Спасибо, — расплылась она в улыбке. — Мне очень приятно. Всё потому что я посвятила эту композицию любимому. Но, — наследница тяжело вздохнула, — не сложилось, к сожалению.

— Через это все проходят, — спокойно произнёс я, наливая сначала в её бокал. — У меня тоже такое было, да и не раз. В конце концов, всё плохое проходит, ничто не вечно, — теперь наполнил свой бокал и продолжил, поставив бутылку: — Поэтому не стоит отчаиваться, рисса Визуйя. Всё рано или поздно наладится.

— Как давно я не слышала таких простых и воодушевляющих слов. — Она подняла бокал, сделав короткий кивок, и добавила: — Пусть все однажды услышат такие слова.

Наследница залпом выпила содержимое, поставила бокал и съела чёрный шарик. Посмотрев на неё, я сделал то же самое. Видимо, её последняя фраза означала на нашем нечто вроде «Выпьем за этот прекрасный тост».

Тягучая чёрная жидкость, стоило ей попасть в рот, мгновенно распространила тепло, растекаясь по всему телу. Вкус очень необычный, чуть терпкий, кисловатый. Объяснить трудно, ведь и сам не понял, что я такое только что выпил. Затем закинул шарик, пробуя разжевать. Шарик оказался мягким и сладким и словно дополнял вкус напитка, делая его более приятным.

— Как тебе? Вкусно же?

— Да, очень, — не стал я отрицать, хотя чувства после выпитого были смешанными и весьма странными.

— Ну так наливай ещё! — чуть ли не воскликнула Визуйя и залилась задорным смехом. Это первый раз, когда я услышал, как она смеётся.

— Конечно, сейч...

Я не смог договорить и сам начал хохотать без причины. Моя рука с бутылкой из-за этого затряслась, поэтому не стал пытаться налить, боясь пролить мимо. Я никак не мог унять смех. Наследница тоже смеялась без конца, причём уже до слёз. Меня окатила новая волна безудержного веселья, стал чувствовать себя каким-то психом, но в то же время понравилось смеяться просто так.

— Чт... чт... — при каждой попытке заговорить, снова пробирало на хохот, но кое-как получилось договорить: — Что мы такое... пь... пьём?

Однако Визуйя была не в силах ответить, поскольку продолжала смеяться и смеяться.

Это безумие продолжалось как минимум минут пять. Я так никогда в жизни не смеялся. Мне даже стало как-то грустно, когда мы вновь стали серьёзными.

— Это молоко одного дикого и редкого животного, — начала объяснять наследница. — А вот эти шарики делаются из его кожи, обрабатываются специально, чтобы быть вкусными и полезными. Эффект смеха при первой пробе всегда появляется, а потом только расслабляет.

— Я уж подумал, что это какой-то наркотик. Классная штука, точнее весёлая, — проговорил я и наконец-то смог налить нам очередную порцию, после чего взглянул на Визуйю. — Мы точно больше не будем хохотать?

— Как до этого, точно нет, — улыбнулась она, взяв свой бокал. — Всего лишь расслабимся, станет хорошо, заботы уйдут. Тебе понравится.

— Надеюсь.

Молоко, что доставило сначала веселье, потом действительно изменило эффект. Мне и правда похорошело, расслабило. Я даже удобно расположился, а вернее сказать — развалился, не тревожась и не переживая ни о чём. Молча поглядел в окно, затем перевёл взгляд на Визуйю. Она загадочно молчала и выглядела слишком задумчивой. И вдруг заговорила:

— Знаешь, я последнее время такая одинокая на самом деле. А с тобой хорошо. И поговорить можно искренне. У меня даже нет друзей, представляешь? Иногда жалею, что не родилась обычной, как все. У них больше свободы, много друзей, никто не завидует. Но только они не знают, как я живу по-настоящему. Что ни день, то тоска и грусть. За что мне это? — она вопросительно взглянула на меня блестящими глазами.

— Рисса Визуйя, — начал было я, но наследница перебила меня.

— Не надо, пожалуйста. Здесь можешь обращаться без этих «рисс» и прочего официоза. Мне это надоело. Я хочу быть простой, как все. Только при родителях не говори со мной, как тут. Договорились?

— Да, — кивнул я и мысленно улыбнулся себе, что уже заслужил небольшое доверие. Хотя тут важно ещё учитывать действие чёрного молока и её состояние вообще. Судя по всему, наследница живёт в золотой клетке. Да уж, теперь-то понятно окончательно, отчего она так вела себя с самого начала.

— Вот и молодец. Так что ты хотел сказать?

— Честно, уже позабыл. А, нет, вспомнил. Я хотел сказать, что нужно что-то менять в жизни, если не нравится нынешнее положение вещей.

— Ты не понимаешь, — горестно выдохнула она и сделала глоток. — Я не одна, есть семья. И мне на дано право решать всё. Без одобрения отца я даже замуж выйти не могу. С простыми ребятами тоже нельзя иметь какие-либо связи. Но я же девушка, я живая. Я тоже хочу заботы, ласки, любви, секса, наконец. Отец думает, что мне так приятна забота этих слуг. Нет. Я и без них могу всё делать сама. Это не главное. Главное — оно внутри. А внутри у меня пустота, давно уже пустота. И я очень рада твоему появлению, потому что с тобой могу выговориться, с тобой могу быть собой. С другими просто обязана вести себя иначе, поддерживать статус клана. Понимаешь?

— Понимаю, но не полностью, конечно, потому что сам не был в такой же ситуации. Я с удовольствием с тобой, — сделал акцент на «с тобой», чтобы глянуть реакцию, которая оказалась нормальной, значит, точно не против неформального общения, — буду общаться и разговаривать о чём угодно.

— Только разговаривать? — уточнила она, посмотрев на меня прямо.

— Ну, не только, если, конечно, нужно будет сделать что-то в пределах разумного.

— Налей ещё, пожалуйста.

Когда я добавил в бокалы словно не заканчивающееся чёрное молоко, Визуйя продолжила:

— Это хорошо, что ты согласен. Значит, нравлюсь, хоть ты и человек, — она улыбнулась и сразу нахмурилась. — Почему я не могу его забыть? Почему я каждый день играю ту композицию, которую посвятила ему? И если бы не отец, мы могли быть вместе. К тому же это укрепило бы наши связи как двух сильнейших кланов. Эта политика, эта экономика всегда всё портят. А ещё она всегда косо на меня смотрела. Ненавижу.

Как удачно мы с ней начали пить, ведь её понесло рассказывать столько всего, сколько я за два дня не узнал. Надо аккуратно выяснять, что тут и к чему, раз уж речь зашла обо всём сразу, что напрямую связано с отношениями между кланами.

— Честно говоря, ничего не понял. Кто этот парень? И кто она?

— Один из наследников «Чёрного оснита», достойнее его я никого не вижу до сих пор. А из-за одного маленького проступка отец сразу запретил мне с ним встречаться и общаться.

— Так она это кто? Надеюсь, не твоя мама?

— Нет, мама у меня хорошая, — у Визуйи и тон сменился на более приятный, и улыбка появилась, но ненадолго. — Она — это Арикулья, его сестра. Она ни разу мне не улыбнулась, сколько бы мы ни виделись. И за что? Я вообще не понимаю, ничего ей плохого не сделала.

Вот так новости! Вот так интриги у них тут! Значит, Визуйя когда-то встречалась с братом Рики, но что-то пошло не так, и они расстались. Ещё и Рика не была доброжелательна к этой наследнице. Похоже, чем больше я копаю, тем более сложно и неопределённо всё становится. Но копнуть ещё глубже просто обязан, чтобы узнать и другие важные подробности межклановых отношений. Надо пользоваться, пока есть возможность.